

Проблема личностного развития несовершеннолетних правонарушителей: культурно-исторический подход

О.Г. Кравцов

Московский университет Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя
(МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя),
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

В статье автор указывает, что в научной литературе часто встречаются представления о психологических отличиях несовершеннолетних правонарушителей от обычных сверстников. Причем все эти различия сводятся к тому, что у девиантных и делинквентных подростков хуже развиты когнитивные способности, креативность и волевые качества. По мнению автора, подобные представления ошибочны и не отражают сути психологической проблемы девиантного поведения. Совсем другое понимание проблемы можно получить, если рассмотреть проблему в контексте культурно-исторического подхода Л.С. Выготского. В рамках этого подхода развитие психики происходит благодаря нарастанию произвольности, способности человека управлять своими собственными психическими процессами. Здесь на первый план выходит вопрос о детерминации поведения человека внешними ситуативными переменными или внутренними волевыми усилиями. По мнению автора, этот вопрос не может быть решен механически, как это обычно делается в зарубежной психологии. Именно сам человек определяет свое отношение и смысловое наполнение окружающей социальной реальности, а не наоборот. По результатам анализа проведенных автором исследований, психологической основой девиантного поведения выступает слабое развитие личности в культурно-историческом смысле. Другими словами, имеет место слабый субъект деятельности.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, несовершеннолетние правонарушители, девиантное поведение, когнитивные способности, девиантная креативность, воля, субъект деятельности.

Для цитаты: Кравцов О.Г. Проблема личностного развития несовершеннолетних правонарушителей: культурно-исторический подход // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 49–56. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160105>

The Problem of Personality Development in Juvenile Offenders: A Cultural-Historical Approach

O.G. Kravtsov

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

Quite a number of scientific works focus on psychological differences between juvenile offenders and their ordinary peers. These differences usually come down to the fact that deviant and delinquent adolescents have less developed cognitive abilities, creativity and self-regulation. However, these ideas do not reflect the essence of the psychological problem of deviant behavior. A completely different understanding of the problem can be obtained if we consider the problem in the context of the cultural-historical approach of L.S. Vygotsky. In the framework of this approach, the development of the mind occurs due to the increase in self-regulation, the ability of a person to control his own mental processes. Here the question of whether human behavior is determined by external situational factors or by internal volitional efforts comes to the fore. We argue that this issue cannot be resolved mechanically as it is sometimes done. It is the individual himself who determines his/her attitude and semantic content of the surrounding social reality, and not vice versa. The results of out

studies show that the psychological basis of deviant behavior is the weak development of personality in the cultural-historical sense. In other words, it is the weak subject of activity that lies at the core of deviance.

Keywords: cultural-historical approach, juvenile offenders, deviant behavior, cognitive abilities, deviant creativity, willpower, subject of activity.

For citation: Kravtsov O.G. The Problem of Personality Development in Juvenile Offenders: A Cultural-Historical Approach. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 49–56. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160105>

Культурно-исторический подход Л.С. Выготского, как правило, не рассматривают как полноценную теорию личности. Вместе с тем Л.С. Выготский, анализируя состояние психологической науки того времени, отмечает, что «старая психология», как он именуется все существовавшие в его время научные школы и направления, не могла даже верно поставить проблему личности [3]. Он видит главную причину того, что психологическая наука оставила за бортом проблему личности в том, что она не знала истории культурного развития ребенка.

Аргументы в пользу того, что, как отмечает Г.Г. Кравцов, культурно-историческая концепция, по своей сути, это и есть подлинная теория личности [10], можно увидеть при анализе особенностей личностного развития несовершеннолетних правонарушителей.

Проблема особенностей личностного развития правонарушителей всегда привлекала к себе внимание психологов. Известно множество эмпирических исследований, в рамках которых сравнивались психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей и обычных подростков. Однако в глобальном плане принципиальных, качественных психологических различий, отличавших бы выборку правонарушителей от законопослушных сверстников, обнаружить так и не удалось. Вместо этого появилось множество мифов и необоснованных представлений об отличительных особенностях правонарушителей. И эти самые отличия часто оцениваются как психологические основания или причины противоправного поведения и нередко выступают некоторой характеристикой личности правонарушителей.

Довольно распространенным является миф о сниженных интеллектуальных и когнитивных способностях правонарушителей. По мнению тех, кто придерживается данной точки зрения, невысокие умственные способности влияют на способность человека адаптироваться в жизни. Это, соответственно, влияет на социальный статус человека. В конечном счете, это проявляется в неумении видеть альтернативные решения конфликтов и правильно прогнозировать социальные последствия своих действий.

Экспериментальные исследования особенностей умственного развития несовершеннолетних правонарушителей в сравнении с их законопослушными сверстниками, как правило, не обнаруживают статистически значимых закономерностей в качественном снижении интеллектуальных способностей у девиантных и делинквентных подростков. Так, например, в исследовании Н.М. Сараевой и В.Т. Вагиной,

которые рассматривали связь социального интеллекта с локусом контроля у несовершеннолетних правонарушителей [19], обнаружилось, что, несмотря на то, что высокий социальный интеллект у них встречается довольно редко, большинство респондентов имеют средние (или около средних) показатели развития умственных способностей и в этом плане мало отличаются от их законопослушных ровесников. Аналогичные результаты можно увидеть во многих других исследованиях когнитивных особенностей несовершеннолетних правонарушителей [7; 20; 22].

По мнению ряда ученых, это может быть связано с тем, что с каждым годом сложность и технологическая оснащенность преступлений только возрастает. И речь идет совсем не обязательно о мошенниках или участниках в незаконных финансовых схемах. Даже вполне традиционные преступления, вроде квартирной кражи, требуют значительных знаний и умений, которые точно не доступны правонарушителям с низким интеллектом.

Есть основания полагать, что не самые высокие показатели интеллекта по результатам тестирования несовершеннолетних правонарушителей являются результатом того, что обычные школьники, получающие систематическое обучение, лучше них знакомы с тем материалом, на котором делаются замеры. Несовершеннолетние правонарушители нередко характеризуются педагогической запущенностью и не могут в полной мере конкурировать со своими законопослушными сверстниками. Кроме того, так называемые девиантные и делинквентные подростки довольно часто живут и воспитываются в неблагополучных семьях, где им не обеспечивалась необходимая для всестороннего развития культурная и образовательная среда. Проще говоря, результаты тестов на интеллект в данном случае не вполне корректны, при их сравнении с обычной выборкой.

Описанная ситуация с измерениями интеллектуальных отличий правонарушителей от обычных школьников на самом деле более сложна и требует отдельного изучения, но для нас важно отметить, что распространенное мнение о низком интеллекте правонарушителей в значительной степени является ошибочным.

Также неверной оказывается точка зрения, согласно которой у несовершеннолетних правонарушителей не развиты творческие способности. Более того, психологические исследования, в том числе самые современные, показывают, что у несовершеннолетних правонарушителей можно обнаружить значительно большую креативность, чем у обычных людей

[16]. Однако проявляется она искаженным образом в сфере социального взаимодействия, например, когда возникает необходимость реализации необычных форм унижения человека, социального насилия или способов выяснения отношений и т. д. [15]. Например, М.Н. Бочкова рассматривала связь между эмоциональным интеллектом и креативностью у несовершеннолетних правонарушителей. Результаты ее исследований позволили сделать заключение о присущей делинквентным подросткам девиантной или антисоциальной креативности [2].

По нашим данным [8], среди не правонарушителей обнаруживается довольно значительный процент молодых людей, характеризующихся антисоциальной креативностью. При этом параметры измерения качества креативности, такие как оригинальность, беглость и гибкость, остаются на тех же уровнях что и при обычной креативности. Иными словами, сама по себе креативность не определяется через социально конструктивный продукт и может быть направлена на достижение самых разных целей, в том числе и асоциальных [17].

Справедливости ради необходимо отметить, что среди несовершеннолетних правонарушителей есть такие, у кого и уровень умственного развития, и творческие способности значительно ниже, нежели у их законопослушных сверстников. Такие подростки часто попадают под влияние более опытных и развитых людей, которые нередко и являются носителями образцов асоциального поведения. Однако даже про тех из них, по отношению к кому точка зрения о худшем познавательном развитии таких подростков и отсутствии у них креативности, по сравнению с обычными школьниками, оказывается верной, с уверенностью можно сказать, что они совершают асоциальные поступки не потому, что хуже сообщают или не могут найти себя в творчестве, а по явно другим причинам.

Есть также третий, довольно распространенный миф о несовершеннолетних правонарушителях, согласно которому у этих подростков имеет место недоразвитие волевых качеств. Выбор воли в качестве основного критерия при выделении отличительных особенностей несовершеннолетних правонарушителей не случаен. Считается, что те, кто совершил противоправные поступки, не могут себя сдерживать, легко поддаются искушению, оказываются слабее обстоятельств. В обиходной речи раньше использовали эпитет «слабохарактерный». Несмотря на несколько излишнюю для науки экспрессивность этого эпитета, он вполне точно отражает суть психологической проблемы. Слабохарактерные подростки действительно не могут проявить свой характер, отстоять свою внутреннюю позицию, твердо следовать нормам морали и нравственности. Однако при более пристальном рассмотрении особенностей волевого поведения и развития несовершеннолетних правонарушителей возникает во многом прямо противоположная картина. Обнаружилось, что при совершении преступления несовершеннолетние правонарушители проявляют значительную выдержку и самообладание. Они справляются с волнением, страхом быть пойманными, про-

являют настойчивость и готовы терпеть очень многие лишения. Если следовать общепринятому пониманию воли и волевых качеств, то подростки, совершившие асоциальные и противоправные поступки, зачастую не только не уступают своим законопослушным сверстникам в развитии волевых проявлений, но, с определенными оговорками, даже превосходят их, демонстрируя в критических ситуациях смелость, целеустремленность и развитое самообладание.

Итак, если подвести некоторые итоги, то можно сказать, что несовершеннолетние правонарушители не отличаются от обычных школьников ни по уровню развития интеллекта, ни по показателям креативности, ни по волевым качествам. Правда, они проявляют все эти качества и характеристики в противоправном, асоциальном направлении. Вопрос о том, почему одни подростки при соответствующих уровнях развития умственных способностей, креативности и воли остаются законопослушными, тогда как другие преступают закон, остается на сегодняшний день открытым. Вместе с тем понимание истинных психологических причин, приводящих к асоциальным поступкам, помогло бы в работе с несовершеннолетними правонарушителями и во многом бы обеспечило предупреждение девиантного и делинквентного поведения.

Современные исследователи, пытающиеся ответить на этот вопрос, как правило, отмечают, что психические качества и способности человека сами по себе нейтральны, но человек сам решает, как он будет их использовать — как злодей или как герой.

Аналогичной точки зрения придерживаются бихевиористы. Так, например, Уотсон в известном манифесте пишет, что, управляя условиями, можно направить качества человека в любое русло [25].

С этим соглашаются многие социальные психологи, подчеркивая существенно более значимую роль внешних, а не внутренних факторов в поведении человека [24].

Несмотря на внешнюю разницу перечисленных подходов, необходимо отметить их общую черту, связанную с тем, что по своей сути они не выходят за границы известной теории конвергенции двух факторов — есть врожденные свойства и качества, которые преломляются, развиваются и изменяются под влиянием внешней среды. Именно внешняя среда является решающим фактором, ответственным за то, будет ли тот или иной подросток совершать противоправные действия или нет.

Подобное объяснение вполне закономерным образом можно услышать и от родителей девиантных и делинквентных подростков. При воспитании ребенка их опасения касаются, главным образом, пагубного влияния дурной компании. Поэтому, когда ребенок уже нечто противоправное совершил, его действия проще всего объяснить и одновременно оправдать через пагубное влияние третьих лиц.

Такому, весьма распространенному, мнению в корне противоречит тот факт, что далеко не все подростки, попавшие в плохую компанию, совершают асоциальные поступки, а также то обстоятельство,

что закон преступают и те подростки, которые никогда не только не дружили с «плохими», в том числе криминальными, сверстниками, но даже никогда не были с ними знакомы.

Что же все-таки является главной причиной того, что некоторые подростки вступают на криминальный путь? Что заставляет их использовать свой потенциал, в том числе и свои способности в противоправном поведении?

Представляется, что некоторый, вполне определенный ответ на этот вопрос можно получить, рассмотрев данное проблемное поле через призму культурно-исторического подхода. Автор культурно-исторической психологии не занимался специально проблемами правонарушителей, однако много размышлял о подходах к воспитанию так называемых «трудных» детей [6].

Основная идея культурно-исторического подхода связана с тем, что натуральные психические функции по мере общего развития ребенка становятся высшими психическими функциями. Основное отличие высших психических функций от натуральных психических функций, как известно, состоит в том, что они становятся произвольными, т. е. сознательно управляемыми. Иными словами, в культурно-исторической психологии движение развития определяющим образом связано со способностью человека управлять своим поведением, деятельностью, психикой. При этом Л.С. Выготский подчеркивает, что овладение собой и своим поведением связано с осознанием. «Осознать — значит овладеть», — пишет он. Именно этот волевой акт, по его мнению, обеспечивает человеку подлинную свободу [4].

Воля в культурно-исторической психологии занимает исключительно важное место. Необходимо отметить, что воля в культурно-историческом подходе — это инструмент свободного действия и одновременно изначально высшая психическая функция. С этих позиций широко употребляемое в юридической литературе, в том числе в теории уголовного права, словосочетание «свободная воля» является логически ущербным и тавтологичным, поскольку несвободной воли просто-напросто не существует. Согласно взглядам Л.С. Выготского, без автономной теории воли невозможно правильно поставить центральную проблему психологической науки — проблему личности и подойти к ее изучению, а также без теории воли невозможно даже приблизиться к высшей проблеме психологии — проблеме человеческой свободы.

Если вслед за представителями бихевиоризма или социальной психологии утверждать, что особенности человека и его поведение определяются, в первую очередь, внешними факторами, то в такой «научной» картине не остается места ни воле, ни волевому развитию. В определенном смысле вершиной научного объяснения и доказательства при таком подходе является довольно тонкая и изящная теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера. С этих позиций человек, получающий меньшее вознаграждение за свое поведение или деятельность, начинает осмыслять свое поведение как внутренне детерминированное и соответствующее ему самому, несмотря на то, что изначально оно было продиктовано инструкцией экспериментатора. При-

мечательно, что очень многие исследования установок, предрассудков и массового социального поведения показывают подобную закономерность [23].

С точки зрения культурно-исторического подхода, человеческая воля и ее определяющее воздействие на поведение человека выглядят ровно противоположным образом. Человек, воспринимая некие внешние жизненные обстоятельства, сам решает, как именно он будет их интерпретировать, как он к ним отнесется и как станет на них реагировать. Он сам меняет объективную реальность, переосмысляя ее по своему собственному внутреннему усмотрению. Именно эта его способность и обеспечивает ему его свободу. Если же внешняя реальность однозначным образом меняет внутренний мир человека и подминает его под себя, то он утрачивает саму возможность свободного действия и становится рабом этой внешней реальности [9].

Экспериментальное исследование, проведенное нами совместно с В.Б. Артемовой, посвященное изучению особенностей школьников, соблюдающих/не соблюдающих учебную дисциплину, показало, что учащиеся, систематически прогуливающие занятия, качественно отличаются от своих сверстников, старающихся прилежно учиться [1]. Так, обнаружилось, что те ученики, которые не соблюдают учебную дисциплину, оценивают прогулы как позитивное поведение. Помимо этого они имеют особую систему ценностей. И, наконец, они особым образом реагируют на фрустрирующие ситуации. Пожалуй, самым любопытным в этих данных было то, что старшеклассники, систематически прогуливающие занятия, по изучавшимся параметрам оказались значительно ближе к девиантным и делинквентным сверстникам, чем прилежные ученики.

Итак, есть всем известные правила, связанные с тем, что необходимо посещать школьные занятия и не прогуливать их. При этом одни подростки реализуют вполне произвольное поведение и, несмотря на то, что им часто совсем не хочется идти в школу, они стараются не прогуливать, а если иногда и прогуливают, то оценивают это событие негативно, тогда как другие их сверстники сознательно не подчиняются школьным правилам, считая, что прогулы — это вполне допустимо и даже хорошо, поскольку они таким способом утверждают и демонстрируют всем свою свободу и независимость [11].

Определенные подтверждения и доказательства того утверждения, что именно внутренние характеристики и установки определяют особенности внешнего поведения и поступков, можно увидеть, если проанализировать особенности асоциальных подростков с помощью введенного Л.С. Выготским понятия «зоны ближайшего развития». Зона ближайшего развития сравнительно мало изучалась в психологии. Однако имеющиеся данные о ее структуре и особенностях позволяют, по-нашему мнению, рассмотреть важные аспекты девиантного и делинквентного поведения подростков в контексте этого понятия.

Так, как следует из исследований Е.Е. Кравцовой, содержание зоны ближайшего развития оказывается связанным со средой, в которую погружается тот или

иной субъект. Применительно к зоне ближайшего развития девиантных подростков это означает, что в их опыте была какая-то особая среда, следствием погружения в которую стало асоциальное содержание их зоны ближайшего развития [13].

С этих позиций примечательны результаты наших исследований, в которых было показано, на что ориентируется подросток, когда ищет образцы для подражания и самоидентификации. Оказалось, что девиантные подростки при поиске референтной группы ищут такие образцы, которые как можно больше «выпадают» из общего социального фона. Выбор асоциального пути часто является просто единственным доступным для девиантных подростков способом хоть как-то выделиться и с этой целью построить свою идентичность на противопоставлении себя нормативному социуму.

Выделение образцов асоциального поведения девиантными подростками связано, с нашей точки зрения, с известными и описанными в психологической литературе особенностями подросткового возраста — романтизмом, стремлением к неоправданному риску, бескомпромиссным подразделением всего на свете на черное и белое без всяких полутонов и т. п. Однако у всех, в том числе и у законопослушных подростков, есть упомянутые возрастные особенности и характеристики, однако только некоторая часть из них становятся, в психологическом смысле этого слова, девиантами. Мы полагаем, что основная психологическая причина этого связана с особенностями отношения подростков к авторитетному для них взрослому. Проверке этой гипотезы было посвящено наше исследование, в котором участвовали подростки из социально-реабилитационного приюта и их ровесники из общеобразовательных школ Подмоскovie [18].

Обнаружилось, что образ авторитетного взрослого у девиантных подростков качественно отличается от аналогичного образа у обычных подростков. Во-первых, в строгом смысле этого слова, нельзя сказать, что у девиантных подростков есть некоторый конкретный образ авторитетного для них взрослого. Обычно это или некоторый собирательный портрет, или реальный человек с какими-то яркими внешними характеристиками.

Обнаружилось, что если обычные подростки описывают авторитетного для них взрослого, исходя из социальной среды и оценки качеств человека, то для девиантных подростков совершенно не значимо социальное признание человека, например, получение им первого места на конкурсе. Для них главные характеристики авторитета связаны с внешним видом, яркими поступками, т. е. с тем, что производит впечатление на окружающих.

Между девиантными подростками и их авторитетом существует непреодолимая пропасть, которую нельзя преодолеть, даже буквально во всех деталях подражая своему кумиру. Можно сказать, что эти отношения носят пассивный характер и, как правило, ограничиваются простым восхищением, и значительно реже имеют место попытки подражания. В отличие от девиантных подростков, их сверстники из школы строят активные отношения с авторитетным взрослым, стараясь приблизиться к нему и его характеристикам.

Особая характеристика образа авторитета у девиантных подростков связана с асоциальной направленностью авторитетного для них взрослого. Можно сказать, что для всех подростков в целом образ бунтарей и в некотором смысле провокаторов является привлекательным и вызывающим восхищение. Однако особенности авторитета у девиантных подростков связаны с тем, что они выбирают в качестве кумира людей, которые по характеру отвержения социальных норм и требований похожи на них самих. В этом плане асоциальная направленность, как качество выбираемых авторитетов, оказывается вторичной от самосознания и внутренних личностных установок подростка. Например, если в актуальном социальном окружении все беспощадно ругают какого-то человека, то есть большой шанс, что из чувства протеста именно он станет авторитетной фигурой для девиантного подростка. Можно сказать, что выбор авторитета у девиантных подростков происходит по принципу схожести социальных стигм.

Если у обычного подростка авторитет это, например, хороший, добрый учитель, с которым всегда интересно, который принимает ученика таким, какой он есть, готов поделиться с ним опытом и проявляет о нем заботу, то авторитет для девиантного подростка — это фигура, скорее травмирующая и противостоящая ему. Отсюда нередки конфликтные отношения девиантного подростка с тем человеком, который для него является авторитетом, отсюда желание всеми способами «свергнуть» этого авторитета и занять его место.

Как известно, в историческом времени культурно-исторический подход существенно старше гуманистической и экзистенциальной психологии, однако в этих подходах можно найти общие идеи и точки соприкосновения. Так, спустя несколько десятилетий после ухода из жизни Л.С. Выготского замечательный психолог В. Франкл, описывая свой чудовищный лагерный опыт, отмечает, что люди в условиях концентрационного лагеря вели себя очень по-разному. Многие заключенные концлагерей, оказавшись в невыносимой бесчеловечной обстановке, быстро теряли человеческий облик. Однако были и такие люди, которые, несмотря на все ужасы лагерного существования, каким-то невероятным образом сохраняли человеческий облик и человеческое достоинство. В. Франкл отмечает, что люди из второй группы в плане поведения делали две очень важные вещи, которые не делали люди из первой группы. Они чистили зубы и читали газеты. В. Франкл отмечает, что это были единственные две активности, которые разрешались узникам лагеря, но при этом они не были обязательными. В. Франкл подчеркивает: заключенные концлагерей сами решали, нужно ли им это, и действовали в соответствии с собственным внутренним смыслом [21].

Самым потрясающим в этом примере является то, что, по наблюдению В. Франкла, эти узники, обладающие собственной волей, невероятным образом лучше других выживали в невыносимых условиях лагеря. Парадокс состоит в том, что даже физически более слабые и не отличавшиеся здоровьем заключенные, имевшие внутренний нравственно-волевой стержень,

смогли лучше адаптироваться к бесчеловечной системе и выжить в невыносимых физических условиях концлагеря. Таким образом, можно утверждать, что именно внутренний смысл помогает человеку справляться с любыми жизненными обстоятельствами.

Если в этом контексте рассмотреть проблемы несовершеннолетних правонарушителей и особенности их развития, то можно заключить, что, например, те старшеклассники, которые систематически прогуливают школьные занятия, не имеют внутреннего смысла и, соответственно, имеют проблемы с развитием волевой сферы личности в культурно-историческом смысле этого понятия.

Итак, с одной стороны, если рассматривать волю через ее внешние характеристики — выдержку, самообладание, умение справляться со страхом и т. п., то девиантные и делинквентные подростки не только не уступают своим сверстникам из обычных школ, но даже в некоторых проявлениях их превосходят. Если же вслед за Л.С. Выготским и В. Франклом подойти к этой проблемной области психологии через внутренний смысл, то оказывается, что подростки с асоциальным поведением качественно отличаются от обычных школьников. Эти различия можно увидеть в самых разных сферах. Так, например, экспериментальное исследование девиантных подростков, направленное на изучение особенностей их продуктивной деятельности, свидетельствует о скудности их интересов, а также о трудностях и проблемах в реализации каких-либо интересов в продуктивной деятельности.

Об этом же свидетельствуют результаты исследования А.А. Максимова, изучавшего людей с зависимостью от компьютерных игр. Значительная часть подростков с компьютерной и игровой зависимостью играют «от нечего делать». При этом они нередко реализуют девиантное поведение [14].

Проблемы с внутренним смыслом, свойственные несовершеннолетним правонарушителям, проявляются в особенностях личностного развития. Так, например, если следовать логике Л.С. Выготского, который считал, что там, где человек чувствует себя источником собственного поведения и деятельности, он поступает лично [5], то девиантные и делинквентные подростки имеют проблемы с развитием субъектности.

Изучение подростков с преступным поведением показало, что большинство их преступлений было детерминировано извне. Более старшие подростки и юноши, а также сомнительного свойства компании и т. п. являлись той отправной точкой, в которой законопослушный подросток превращался в девиантного. Конечно же значимость мнения референтной группы является вполне закономерным фактором для развития в подростковом возрасте. Точно так же нельзя сбрасывать со счетов и характерную для этого возраста интолерантность. Однако трансформация законопослушного подростка в девиантную личность, с нашей точки зрения, связана, в первую очередь, с отсутствием у подростка развитого субъекта деятельности [12].

Ответы детей, полученные в структурированном ретроспективном интервью, и их анализ показали, что отсутствие собственной инициативы является той характеристикой, которая препятствует формированию подлинных интересов. Согласно полученным данным, манипулирование ребенком (определение его в кружки, принуждение его к обучению той или иной деятельности и т. п.) приводит и к отсутствию основы для формирования интересов, и к ухудшению общения и взаимодействия с окружающими. К аналогичным результатам приводит и полное игнорирование желаний и склонностей ребенка. И в том и в другом случае у подростков не возникают соответствующие их психологическому возрасту интересы, у них отсутствует субъектность и, тем самым, создается психологическая основа для девиантного и делинквентного поведения.

Таким образом, люди, реализующие девиантное и делинквентное поведение, в своем большинстве оказываются людьми с особым типом развития личности. Как отмечается в литературе по юридической психологии, нередко и подростки с девиантным поведением и взрослые преступники оказываются психологически инфантильными, и можно сказать, что у них имеет место недоразвитие личности, а это нередко приводит их к асоциальным поступкам. В то же время, согласно данным нашего исследования, наличие развитого субъекта деятельности обеспечивает определенную психологическую устойчивость и сохранение статуса законопослушного подростка [12].

Литература

1. *Артемова В.Б.* Психологические особенности учащихся, систематически нарушающих учебную дисциплину: выпускная квалификационная работа. Институт психологии имени Л.С. Выготского, РГГУ. 2016. 82 с.
2. *Бочкова М.Н., Мешкова Н.В.* Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11 (1). С. 93–106. doi:10.17759/psyedu.2019110108
3. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 1–36.
4. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1950. 211 с.

References

1. *Artemova V.B.* Psikhologicheskie osobennosti uchashchikhsya, sistematicheski narushayushchikh uchebnuyu distsiplinu. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota. Institut psikhologii im L.S. Vygotskogo [Psychological characteristics of students systematically violating the discipline]. Moscow: RGGU, 2016. 82 p.
2. *Bochkova V.N., Meshkova N.V.* Behavioral Features of Negative and Malevolent Creativity in Adolescents [Elektronnyi resurs]. *Psychological-Educational Studies*, 2019. Vol. 11(1), pp. 93–106. doi:10.17759/psyedu.2019110108. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. *Vygotskii L.S.* Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of the development of higher mental functions]. Moscow: Publ. APN, 1956, pp. 1–36.

5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
6. *Выготский Л.С.* Трудное детство // Собр.соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
7. *Грудинин Н.С., Галынская Д.С.* Личность несовершеннолетнего преступника // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2016. № 4 (6). С. 5–10.
8. *Кравцов О.Г.* Проблема творчества в контексте изучения девиантного поведения [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11. № 1. С. 85–92. doi: 10.17759/psyedu.2019110107
9. *Кравцов Г.Г.* Онтогенез воли / Вестник РГГУ. 2012. № 15: Психологические науки. С. 29–41.
10. *Кравцов Г.Г.* Психология личности и психология искусства / Научно-практический журнал по материалам 5-ой международной конференции в Сочинском государственном университете // М.: Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Центр развития человека», 2018. С. 46–55.
11. *Кравцов О.Г.* Психологические проблемы соблюдения школьниками учебной дисциплины в процессе социализации // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2017. № 6. С. 26–33.
12. *Кравцов О.Г.* Психологическое содержание понятия «девиантное поведение» в культурно-исторической теории // Психолого-педагогический поиск. Научно-методический журнал. 2016. № 3(39). С. 113–120.
13. *Кравцова Е.Е.* Индивидуальные и коллективные аспекты зоны ближайшего развития // «Зона ближайшего развития» в теоретической и практической психологии. Материалы XI Международных чтений памяти Л.С. Выготского, Москва, 15–17 ноября 2010 г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т; Ин-т психологии имени Л.С. Выготского., 2010. С. 11–14.
14. *Максимов А.А.* Личностные особенности людей с компьютерно-игровой зависимостью: дисс... канд. психол. наук. М.: Институт психологии имени Л.С. Выготского РГГУ. 2009. 137 с.
15. *Мешкова Н. В., Ениколопов С. Н., Кудрявцев В.Т., Кравцов О.Г., Бочкова Е.Н., Мешков И.А.* Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2020. Т. 17. № 1. С. 59–71. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-1-59-71
16. *Мешкова Н.В.* Особенности взаимосвязи антисоциально направленной креативности и ценностей у подростков с разным уровнем агрессии [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2018. Vol. 10 (2). С. 77–87 doi: 10.17759/psyedu.2018100207
17. *Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А.* Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23 (6). С. 25–40. doi:10.17759/pse.2018230603
18. *Перельгин В.И.* Отношение к «себе» и к «другим» у подростков (на примере исследования подростков из социально-реабилитационного приюта). Магистерская диссертация. М.: Институт психологии имени Л.С. Выготского РГГУ. 2011. 96 с.
19. *Сараева Н.М. и Вагина В.Т.* Показатели социального интеллекта несовершеннолетних правонарушителей с разным уровнем субъектности // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. XLV междунар. науч.-практ. конф. № 10 (45). Новосибирск: СибАК, 2014. 144 с.
4. *Vygotskii L.S.* Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii [The development of higher mental functions]. Moscow, 1950. 211 p.
5. *Vygotskii L.S.* Sbranie sochinenii: v 6-ti t. T. 4. Detskaya psikhologiya [Collected Works: in 6 volumes, Vol. 4. *Child psychology*]. El'konin D.B. (ed.). Moscow: Pedagogika, 1984. 432 p.
6. *Vygotskii L.S.* Trudnoe detstvo. Sobr. soch v 6 t. T. 5. [Difficult childhood. Collected works: 6t. Vol. 5]. Moscow, 1983. 368 p.
7. *Grudin N.S., Galynskaya D.S.* Lichnost' nesovershennoletnego prestupnika [The identity of a minor offender]. *Vestnik Ural'skogo Finansovo-Yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Ural Institute of Finance and Law]*, 2016, no. 4 (6), pp. 5–10.
8. *Kravtsov O.G.* (2019) Creativity in Context of Deviant Behavior [Elektronnyi resurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological-Educational Studies]*, 2019. Vol. 11, no. 1, pp. 85–92. doi: 10.17759/psyedu.2019110107. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. *Kravtsov G.G.* Ontogenez voli [Ontogenesis of the will]. *Vestnik RGGU. Psikhologicheskie nauki [Bulletin of the RSUH. Psychological sciences]*, 2012, no. 15, pp. 29–41.
10. *Kravtsov G.G.* Psikhologiya lichnosti i psikhologiya iskusstva [Psychology of personality and the psychology of art]. *Nauchno-prakticheskii zhurnal po materialam Pyatoi mezhdunarodnoi konferentsii v Sochinskom gosudarstvennom universitete [Scientific-practical journal based on the materials of the 5th international conference at Sochi State University]*. Moscow: Avtonomnaya kommercheskaya organizatsiya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya "Tsentr razvitiya cheloveka", 2018, pp. 46–55.
11. *Kravtsov O.G.* Psikhologicheskie problemy soblyudeniya shkol'nikami uchebnoi distsipliny v protsesse sotsializatsii [Psychological problems of students observing academic discipline in the process of socialization]. *Sotsial'naya pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskii zhurnal [Social pedagogy in Russia. Scientific and methodological journal]*, 2017, no. 6, pp. 26–33.
12. *Kravtsov O.G.* Psikhologicheskoe sodержание ponyatiya «deviantnoe povedenie» v kul'turno-istoricheskoi teorii [The psychological content of the concept of «deviant behavior» in the cultural-historical theory]. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk № 3 (39) Nauchno-metodicheskii zhurnal [Psychological and pedagogical search No. 3 (39) Scientific and methodological journal]*. Romanov A.A. (ed.), 2016, pp. 113–120.
13. *Kravtsova E.E.* Individual'nye i kollektivnye aspekty zony blizhaishego razvitiya [Individual and collective aspects of the zone of proximal development]. In *Kudryavtsev V.T.* (ed.), *Materialy Odinnadtsatoi Mezhdunarodnykh chtenii pamyati L.S. Vygotskogo [Materials of the Eleventh International readings in memory of L.S. Vygotsky]*, (Moscow, 15–17 november 2010). «Zona blizhaishego razvitiya» v teoreticheskoi i prakticheskoi psikhologii [“The zone of proximal development» in theoretical and practical psychology]. Moscow: Ros. gos. humanit. un-t, In-t psikh. im. L.S. Vygotskogo, 2010, pp. 11–14.
14. *Maksimov A.A.* Lichnostnye osobennosti lyudei s komp'yuterno-igrovoi zavisimost'yu. Diss. kand. psikhol. nauk [Personal characteristics of people with computer-game addiction. Ph. D. diss.]. Moscow, 2009. 137 p.
15. *Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtsev V.T., Kravtsov O.G., Bochkova E.N., Meshkov I.A.* Vozrastnye i polovye prediktor antisotsial'nai kreativnosti [Age and gender predictors of antisocial creativity]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2020. Vol. 17, no. 1, pp. 59–71. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-1-59-71

20. Смирнов М.А., Шатова Г.Г. Некоторые особенности характеристики личностей несовершеннолетних преступников // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. мат. Межд. науч.-практ. конф. 2018. С. 573–579.
21. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. М.: Альпина Нон-фикшн, 2009. 239 с.
22. Шайкова М.В. Психолого-криминологическая характеристика личности несовершеннолетних преступников // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 85–88.
23. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957. 291 p.
24. Ross Lee Nisbekt Richard E. The Person and the Situation. Mc Graw Hill Publ. Company, 1991. P. 27–29.
25. Watson J.B. Psychology as the behaviorist views it // Psychological Review. 1913. Vol. 20. P. 158–177.
16. Meshkova N.V. Interrelation of Malevolent Creativity and Values in Adolescents with Different Levels of Aggression [Elektronnyiresurs]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological-Educational Studies]*, 2018. Vol. 10 (2), pp. 77–87. doi: 10.17759/psyedu.2018100207.
17. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Mitina O.V., Meshkov I.A. Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2018. Vol. 23 (6), pp. 25–40. doi: 10.17759/pse.2018230603.
18. Perelygin V.I. Otnoshenie k «sebe» i k «drugim» u podrostkov (na primere issledovaniya podrostkov iz sotsial'no-reabilitatsionnogo priyuta). Magisterskaya dissertatsiya Institut psikhologii im. L.S. Vygotskogo RGGU [Attitude to “yourself” and to “others” in adolescents (on the example of a study of adolescents from a social-rehabilitation center)]. *Master's dissertation L.S. Vygotsky RSUH*. Moscow, 2011. 96 p.
19. Saraeva N.M. i Vagina V.T. Pokazateli sotsial'nogo intellekta nesovershennoletnikh pravonarushitelei s raznym urovnem sub"ektnosti [Indicators of social intelligence of juvenile delinquents with different levels of subjectivity]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogikii psikhologii: sb. st. po mater. Sorok chetnetroi mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology: Sat. Art. by mater. Forty fifth Int. scientific-practical conf.]*. Novosibirsk: SibAK, 2014, no. 10 (45). 144 p.
20. Smirnov M. A., Shatova G. G. Nekotorye osobennosti kharakteristiki lichnostei nesovershennoletnikh prestupnikov [Some features of the characteristics of the identities of juvenile delinquents]. *Sotsial'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritnoe napravlenie sovremennoi gosudarstvennoi politiki: sb. mat. Mezhd. Nauch.-prakt. konf. [Social and legal protection of childhood as a priority area of modern public policy: Sat. mat. Int. Scientific Pract. conf.]*, 2018, pp. 573–579.
21. Frankl V. Skazat' zhizni «Da!»: psikholog v kontslagere. [Say yes to life: a psychologist in a concentration camp]. Moscow Publ. Al'pina Non-fikshn, 2009. 239 p. 1984 Viktor E. Frankl. Publ. «Smysl», perevod na russkii yazyk, 2004. Izdanie na russkom yazyke, oformlenie. OOO «Al'pina non-fikshn», 2009. Elektronnoe izdanie. OOO «Al'pina Publisher», 2012.
22. Shaikova M.V. Psikhologo-kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti nesovershennoletnikh prestupnikov [Psychological and criminological characteristics of the personality of juvenile delinquents]. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy [Russian Science and Education Today: Problems and Prospects]*, 2015, Vol. 2 (5), pp. 85–88.
23. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957. 291 p.
24. Ross Lee, Nisbekt Richard E. The Person and the Situation. McGraw Hill Publ. Company, 1991, pp. 27–29.
25. Watson J.B. Psychology as the behaviorist views it. *Psychological Review*, 1913. Vol. 20, pp. 158–177.

Информация об авторах

Кравцов Олег Геннадиевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии УНК ПСД, Московский университет Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

Information about the authors

Kravtsov Oleg Gennadievich, PhD – PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Legal Psychology, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

Получена 15.01.2020
Принята в печать 03.03.2020

Received 15.01.2020
Accepted 03.03.2020